

Гражданское общество в России и за рубежом

№ 3 / 2013

Журнал издается при участии кафедры гражданского общества МГИМО — Университет и Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Председатель редакционного совета

Гриб Владислав Валерьевич, заведующий кафедрой гражданского общества МГИМО — Университет, член Общественной палаты Российской Федерации, член Президиума Ассоциации юристов России, главный редактор Издательской группы «Юрист»

Главный редактор

Автономов Алексей Станиславович, д.ю.н., профессор, главный научный сотрудник Института государства и права РАН

Заместитель главного редактора

Туманова Анастасия Сергеевна, д.ю.н., д.и.н., профессор, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Члены редакционного совета

Автономов Алексей Станиславович, д.ю.н., профессор, главный научный сотрудник Института государства и права РАН (главный редактор)

Туманова Анастасия Сергеевна, д.ю.н., д.и.н., профессор, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (заместитель главного редактора)

Бредли Дж., профессор истории Университета Талсы (Оклахома, США)

Демичев Алексей Андреевич, д.ю.н., профессор, профессор Нижегородской академии МВД России

Дискин Иосиф Евгеньевич, д.з.н., профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Малахов Валерий Петрович, д.ю.н., профессор, начальник кафедры теории государства и права Московского университета МВД России

Медушевский Андрей Николаевич, д.ф.н., профессор, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Мерсиянова Ирина Владимировна, к.с.н., доцент, директор Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Попов Евгений Васильевич, к.ю.н. (кафедра гражданского общества МГИМО — Университет)

Попова Екатерина Владимировна, к.ю.н. (кафедра гражданского общества МГИМО — Университет)

Саломатин Алексей Юрьевич, д.ю.н., д.и.н., профессор, профессор Пензенского университета

Сафонов Александр Александрович, д.ю.н., профессор, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Шаблинский Илья Георгиевич, д.ю.н., профессор, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Шульга Руслан Юрьевич, к.ю.н. (кафедра гражданского общества МГИМО — Университет)

Центр редакционной подписки: (495) 617-18-88

e-mail: podpiska@lawinfo.ru

Адрес редакции: 115035, г. Москва, Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7
тел./факс: (495) 953-91-08, e-mail: avtor@lawinfo.ru

Подписной индекс:

Почта России — 10866; «Объединенный каталог» — 85492 (на полуг.).
Также можно подписаться на www.gazeta.ru

Отпечатано в ООО «Национальная полиграфическая группа»

Тел. (4842) 70-03-37

Формат 60x90/8. Печ. л. — 6. Печать офсетная.
Общий тираж 3000 экз. Цена свободная. ISSN 2221-3287

Подписано в печать 15.10.2013 г.

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Бровченко В.Н., Дегтярев О.Ю., Кириенко Г.С.
О некоторых вопросах порядка организации и проведения публичных слушаний в России 2

Макова О.И. Электронная демократия и электронное правительство в Российской Федерации — будущее или реальность? 5

Хохлова Е.А. Российская общественная инициатива как институт «опосредованной» демократии 8

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА; ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОЕ ПАРТНЕРСТВО

Киричк Е.В. Правовое регулирование, основные формы, проблемы и перспективы взаимодействия участковых уполномоченных полиции и институтов гражданского общества в Российской Федерации 16

Дадалко В.А., Благодаров Д.Н. Рискообразующие факторы государственно-частного партнерства в сфере информационных технологий 21

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Мерсиянова И.В. Влияние финансирования российских НКО на оценку их работы и экономического положения 25

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Иванова Н.В. Социальное инвестирование: обзор зарубежных практик 31

ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Сафонов А.А., Наумов И.А. Ограничение прав еврейского населения Российской империи в доступе к высшему образованию в конце XIX — начале XX в. 36

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Бессонова В.В., Киселева Н.А., Мерзлякова И.С.
Теоретико-методологические основы гражданского общества и современные российские реалии 42

Устинович Е.С. Система взглядов и научных представлений относительно категории «гражданское общество» в современной российской правовой науке 45

характеризует сторону предложения на финансовом рынке, представляется интересной классификация субъектов предложения (государство, институциональные/корпоративные инвесторы, частные инвесторы), которая помогла бы выявить их специфику поведения в плане социальных

инвестиций, учитывая такие факторы как приемлемая степень риска, соотношение ожидаемых финансовых и социальных результатов, склонность или напротив, недоверие к инновационным типам финансирования, инвестиционные предпочтения.

Литература

1. Anheier H. Social Investment // International Encyclopedia of Civil Society / Ed. By H. Anheier and S. Toepler. 2010. P. 1427–1429.
2. Anheier H. Social Investment // International Encyclopedia of Civil Society / Ed. by H. Anheier and S. Toepler. 2010.
3. Anheier H. The Missing Policy Link // Understanding Social Investment. London, 2010.
4. Brown A. and Swersky A. The First Billion. A Forecast of Social Investment Demand. The Boston Consulting Group, Big Society Capital. September 2012. P. 1.
5. Giddens A. The Third Way: The Renewal of Social Democracy. London, 1998.
6. Hemerijck A. Social Investment Is in Jeopardy // Social Progress in the 21st Century. London, 2011.
7. Marples L. An Overview of Social Investment // Understanding Social Investment. London, 2010.
8. Palier V. Priorities for a Social Welfare State // Social Progress in the 21st Century. London, 2011.
9. Доклад о социальных инвестициях в России за 2004 г. / под общ. ред. С.Е. Литовченко. М., 2004; Доклад о социальных инвестициях в России за 2008 г. / под общ. ред. Ю.Г. Благова, С.Е. Литовченко, Е.А. Ивановой. М., 2008.
10. Кабалина В.И. Что такое «социальные инвестиции» // Ведомости. ФОРУМ. 2013. № 9.
11. Туркин С.В. Социальные инвестиции в бизнесе. М., 2002.

ОГРАНИЧЕНИЕ ПРАВ ЕВРЕЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ДОСТУПЕ К ВЫСШЕМУ ОБРАЗОВАНИЮ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В. *

Сафонов Александр Александрович,
профессор кафедры теории права и сравнительного правоведения
Национального исследовательского университета «Высшая школа
экономики», доктор юридических наук, профессор
119017, Москва, ул. Малая Ордынка, д. 17

Наумов Иван Александрович,
студент 3-го курса факультета права
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
commarcos182@gmail.com

В статье рассматриваются различные аспекты реализации права еврейского населения Российской империи на доступ к высшему образованию. Авторами прослеживается взаимосвязь процессов расширения доступа к высшему образованию и формирования институтов гражданского общества в поздней имперской России.

Ключевые слова: гражданское общество, высшее образование, евреи, история законодательства, Российская империя.

THE RESTRICTION OF THE RIGHTS OF THE JEWISH POPULATION OF THE RUSSIAN EMPIRE IN ACCESS TO THE HIGHER EDUCATION AT THE END OF THE 19-TH — BEGINNING OF THE 20-TH CENTURY

Safonov Aleksandr Aleksandrovich,
professor of the Chair of Theory of Law and Comparative Law,
of the National Research University «Higher School of Economics»,
doctor of juridical sciences, professor

Naumov Ivan Aleksandrovich,
student of the 3rd course of the Faculty of Law of the National Research University «Higher School of Economics»

* В данной научной работе использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта «Институционализация прав человека в условиях модернизации государства и правовой системы России в начале XX века», выполненного в рамках программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2013 г., грант № 13-05-0010.

Various aspects of realization of the right of the Jewish population of the Russian Empire on access to the higher education are considered by the authors. They trace interrelation of processes of expansion of access to the higher education and formations of institutes of civil society in late imperial Russia.

Key words: civil society, higher education, Jews, history of legislation, Russian Empire.

В начале XX столетия Российская империя оставалась одним из немногих европейских государств, поддерживающих режим законодательных ограничений, специально предназначенных для еврейского населения. И это при том, что, согласно демографическим данным, количество евреев в России конца XIX в. значительно превосходило показатели иных европейских государств. По всеобщей переписи населения 1897 г. в России насчитывалось примерно 5 млн 200 тыс. евреев, что явно превосходило остальную часть европейского еврейства (примерно 3 млн 500 тыс.). Русские евреи являлись пятой по численности этнической группой в империи (после русских, украинцев, поляков, белорусов) и составляли тем самым самую значительную неславянскую и нехристианскую¹ этническую группу².

В чем заключались причины правовой дискриминации евреев в Российской империи? Историки второй половины XIX — начала XX в. были склонны усматривать главную причину в антиеврейских предубеждениях правящих кругов, в ярко выраженном антисемитском характере политики царизма. Однако в дальнейшем подход историков несколько изменился. В научной литературе по данному вопросу стал делаться акцент на том, что политика в отношении евреев, по крайней мере до конца XIX в., была составной частью общей внутренней политики царизма, и по целям и по методам. Современные исследования рассматривают отсутствие гражданских и политических прав у евреев в контексте общего отсутствия юридических прав в России. Они полагают, что эмансипация евреев, как она развивалась в Европе в течение XIX в., не имела бы оснований в российском обществе, не укорененном в традициях европейской правовой культуры. Однако, как отмечает в своем фундаментальном исследовании Б. Натанс: «Россия была не просто бесправной страной, а корпоративным обществом с различными законами для различных сословий. Более важно, что эта корпоративная структура не просто мешала эмансипации по европейскому образцу, но фактически определяла российский подход к проблеме разрушения еврейской обособленности и интеграции евреев империи в окружающее общество»³.

Гражданская эмансипация евреев в империи отражала и особенности процесса формирования институтов гражданского общества в России, который набирал силу начиная с Великих реформ второй половины XIX в., и приобрел реальные правовые очертания в ходе политических реформ периода Первой русской революции⁴. Наиболее характерным элементом формирующегося российского гражданского

общества выступил не буржуазный средний класс, а «разноликая интеллигенция, благодаря которой возникла основа для новых видов и форм контактов между разными национальными и религиозными группами»⁵.

Политика, проводимая в отношении евреев, была предметом оживленных споров в среде российской бюрократии со времен первого раздела Речи Посполитой в 1772 г., в результате которого «ворота, в течение веков ограждавшие Россию от евреев, должны были распахнуться под напором той живой силы, которую представляло собою еврейское население Белоруссии, а также других земель, присоединенных к России»⁶. Одной из наиболее важных сфер в рамках «национального еврейского вопроса» являлась дискуссия об образовании лиц иудейского вероисповедания. Рассмотрению данной проблемы посвящена настоящая статья.

Для понимания политики самодержавия в области доступа евреев к высшему образованию, проводимой после издания Манифеста 17 октября 1905 г., необходимо рассмотреть эволюцию образовательной политики по отношению к евреям до опубликования Манифеста. Еще в «Положении для евреев» 1804 г. содержался раздел, посвященный образованию евреев, первая статья которого определяла, что «все дети евреев могут быть принимаемы и обучаемы без всякого различия от других детей во всех российских народных училищах, гимназиях и университетах»⁷. В создании правовых возможностей для расширения доступа евреев к образованию царское правительство видело один из эффективных способов поднятия культурного уровня еврейского населения, а также его дальнейшей интеграции в социальное пространство империи и ассимиляции в русском обществе.

Однако правительственные меры не получили поначалу широкой поддержки у еврейского общества. На то имелось несколько веских причин. Во-первых, в еврейском обществе того времени бытовало мнение, что просветительские программы правительства покушаются на национальное самосознание и традиционную культуру евреев, накопленную на протяжении многих веков. Следует отметить, что подобные опасения не были беспочвенными, так как правительство нередко прибегало к агрессивным ассимиляционным мерам. Во-вторых, евреи не стремились к получению «русского» образования различного уровня в силу того, что язык преподавания, а также идеология, которой был пронизан образовательный процесс, признавались ими в качестве чуждых еврейскому обществу. В-третьих, получение образования не служило гарантией предоставления евреям

¹ О правовом статусе иудейского вероисповедания в иерархии религиозных конфессий империи см.: Сафонов А.А. Свобода совести и модернизация вероисповедного законодательства Российской империи в начале XX в. Тамбов: Изд-во Першина Р.В., 2007. Глава I.

² Натанс Б. За чертой: евреи встречаются с позднимперской Россией / пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2007. С. 13–14, 37.

³ Натанс Б. Указ. соч. С. 37–38.

⁴ См. об этом: Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII начале XX в. / отв. ред. А.С. Туманова. М.: РОССПЭН, 2011.

⁵ Натанс Б. Указ. соч. С. 20–21.

⁶ Гессен Ю.И. Евреи в России: очерки общественной, правовой и экономической жизни русских евреев. СПб., 1906. С. 14.

⁷ Полное собрание законов Российской империи. Собрание I (далее — ПСЗ-1). Т. 28. № 21547. С. 731.

гражданских прав, которых они были законодательно лишены. К примеру, наличие образования долгое время не являлось основанием предоставления возможности свободного проживания на всей территории Российской империи.

Со временем ситуация стала меняться в принципиально противоположную сторону. Процессы интеграции евреев в социальное пространство империи, а также духовные движения в самой еврейской общине, обусловили повышенный интерес к получению высшего образования. Доминирующее настроение в образованной среде еврейской молодежи во второй половине XIX в. точно отражает заметка в газете «Русский еврей», в которой говорилось, что «[для евреев], рано или поздно, должно сделаться ясным, что образование ставится в привилегированное положение, что для них образование — это якорь спасения, который выведет их из того безысходного состояния, в которое они поставлены были силою ограничительных законов и запретов, что оно возвратит им их гражданские права»⁸. На этом фоне государство начинает постепенное введение ограничений на доступ евреев к образованию, опасаясь нарушения границ этнического и конфессионального представительства евреев в различных сферах государственной и общественной жизни.

Ограничения евреев в получении высшего образования впервые были введены в 1835 г. Царское правительство, законодательно оформляя черту оседлости, ограничивало и возможность получения евреями высшего образования в институтах, находящихся вне черты. Для того чтобы лица иудейского исповедания все же имели возможность поступления в университеты за чертой, правительством в новое «Положение о евреях», опубликованное 31 мая 1835 г., были введены нормы, предоставлявшие детям евреев право обучения в гимназиях, расположенных на тех территориях, где позволено жить их отцам. А после окончания гимназического курса они получали право поступления в высшие учебные заведения, расположенные на всей территории Российской империи. Для повышения престижа получения высшего образования данный акт предоставлял докторам наук возможность поступления на гражданскую службу и занятия преподавательской деятельностью. Поступление на государственную службу (с высочайшего разрешения) давало возможность проживания вне черты оседлости (в том числе и в столичных губерниях)⁹.

После введения запрета проживания евреев в сельской местности в черте оседлости, оформленного в виде «Временных правил» 3 мая 1882 г., они получили право жительства и осуществления различных видов деятельности (включая ремесленную и торговую) лишь в городах и местечках¹⁰. Результатом реализации закона стало увеличение внимания еврейского населения к так называемым свободным профессиям, что в итоге привело к расширению доли детей евреев из низших сословий, стремившихся

получить образование в средних и высших учебных заведениях¹¹.

Серьезный рост интереса евреев к получению высшего образования вызвал опасения правительства. Так, например, министр просвещения И.Д. Делянов в своем всеподданнейшем отчете за 1886 г. заявлял, что евреями движет не бескорыстное стремление к получению знаний, а корыстный расчет на то, что получение высшего образования сделает возможным проживание вне черты оседлости, а также уклонение от воинской повинности¹². Подобные заявления нельзя признать последовательными, так как предыдущими правительственными кабинетами принимались решения о стимулировании евреев к получению высшего образования. Тем самым готовилась почва для введения жестких процентных норм доступа еврейского населения в высшие учебные заведения.

Кроме того, принято было считать, что именно евреи являлись зачинщиками студенческих беспорядков. Председатель Ученого комитета Министерства просвещения А.И. Георгиевский писал по этому поводу следующее: «Во всех повторявшихся время от времени в высших учебных заведениях беспорядках главными агитаторами этих беспорядков являлись студенты-евреи»¹³. Подавление студенческих волнений было использовано для ограничения доступа евреев к образованию. При этом правительство могло оправдывать свои действия тем, что оно боролось не с засильем еврейских учеников или же студентов, а с «революционными элементами», оказывавшими неблагоприятное влияние на всю российскую молодежь в целом.

В 1886 г. Комитет министров высказал желание оградить школу (в том числе и высшую) от наплыва евреев, «которые, внося в среду учащих материалистический взгляд на образование, не могут оказывать благотворного влияния на русскую молодежь». Для недопущения неблагоприятного влияния евреев было принято решение о том, что необходимо «предоставить министру народного просвещения принимать по... его... усмотрению частные меры к ограничению приема евреев в подведомственные ему высшие и средние учебные заведения». Данное решение было закреплено в высочайше утвержденном положении Комитета Министров от 5 декабря 1886 г. Необходимо также отметить, что нормативные акты, касающиеся приема евреев в высшие учебные заведения, не были опубликованы из-за того, что Комитет министров высказал мнение о том, что опубликование подобных актов «могло быть неправильно истолковано и что цель правительства — оградить учебные заведения от наплыва лиц иудейского вероисповедания — может быть достигнута... путем частных распоряжений министра согласно потребностям отдельных местностей или отдельных учебных заведений»¹⁴.

В июле 1887 г. с помощью «издания» циркулярных распоряжений были установлены процентные

⁸ Русский еврей. 15.10.1880.

⁹ ПСЗ-2. Т. 10. № 8054. С. 309–323; С. 321. П. 104–105; С. 322. П. 111. П. 3, 5.

¹⁰ ПСЗ-3. Т. 2. № 834. С. 181.

¹¹ Слиозберг Г.Б. Дела минувших дней. Записки русского еврея. Париж, 1933. Т. 2. С. 89.

¹² Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1894. Т. 10. № 198. Стб. 330–332.

¹³ Георгиевский А.И. Краткий исторический очерк правительственных мер и предначертаний против студенческих беспорядков. СПб., 1890. С. 164.

¹⁴ Мемория Совета министров 20 января 1906 г. «По вопросу о приеме евреев в высшие учебные заведения» // Совет министров Российской империи 1905–1906 гг. Документы и материалы. Ленинград, 1990. С. 196.

квоты для еврейского населения при поступлении в высшие учебные заведения: 10% в черте оседлости, 5% в губерниях вне черты и 3% для столиц. Следует отметить, что подобные квоты устанавливались не только при непосредственном приеме в высшие учебные заведения. Первоначально данные нормы были установлены для принятия в средние учебные заведения, и лишь по прошествии некоторого времени были продублированы для применения в вузах¹⁵.

Крайне точным представляется замечание дореволюционного специалиста в области административного права М.И. Мыша, который отмечал, что циркуляры Министерства народного просвещения, указывающие на процентные нормы и призванные «нормализовать» соотношение между учениками-евреями (студентами) и учениками христианских исповеданий, свидетельствуют о том, что меры, проводимые прошлыми правительствами, не дали «нормальных» результатов и не способствовали «нормальному» соотношению количества учеников¹⁶.

Пересмотр законодательства о правах евреев в области образования в сторону улучшения затруднялся также тем, что разрабатываемые акты, которые, по сути, ухудшали положение евреев, представлялись в качестве временных. При этом в тексте некоторых подобных узаконений крайне расплывчато указывалось на срок их действия: до пересмотра в законодательном порядке постановлений о евреях. Кроме того, акты, ухудшавшие положение евреев, в дальнейшем не проводились через Государственную Думу из-за риска, что они могли быть не приняты. Подтверждение для подобного утверждения находим в воспоминаниях С.В. Витте, отмечавшего, что «все наиболее существенные законы, ограничивающие права евреев, пошли в последние десятилетия не в законодательном порядке, а через комитет министров, как законы временные». Кроме того, «всегда употреблялась одна фарисейская формула «впредь до пересмотра всех законов об евреях»¹⁷.

Установление подобных сроков соответствовало политическим настроениям части высшей бюрократии, особенно в свете известных умеренно антисемитских воззрений самодержца, которые он выразил в краткой резолюции на «Мемории» Совета министров по поводу отмены процентных норм в высших учебных заведениях: «Еврейский вопрос должен быть рассмотрен в общей совокупности тогда, когда я признаю это благовременным». Жесткий ответ самодержца последовал в связи с тем, что в «Мемории» речь шла о том, что ограничения евреев в доступе к высшему образованию являются незаконными, противоречащими духу законодательства об образовании, а также несправедливыми и даже вредными¹⁸.

Процентные нормы, ограничивающие прием в высшие учебные заведения лиц иудейского

вероисповедания, были оформлены и опубликованы в виде высочайшего утвержденного положения Совета министров 16 сентября 1908 г.¹⁹ А 22 августа 1909 г.²⁰ были утверждены нормы, регулирующие прием евреев в средние учебные заведения. При этом следует упомянуть, что оформлены данные нормы были не в законодательном порядке с привлечением Государственной Думы и Государственного Совета, а в качестве высочайших утвержденных положений Совета Министров. По поводу использования подобной «внезаконной» процедуры принятия акта от 22 августа 1909 г. Витте отмечал, что «это было новое ограничение евреев и сделано оно было вопреки закону»²¹. Данную фразу можно отнести и к иным актам, ограничивавшим прием евреев в учебные заведения.

В Положении от 16 сентября 1908 г. был произведен возврат к нормам 1887 г. при приеме в высшие учебные заведения. Любопытно, что существовало лишь одно исключение из данных правил, а именно принятие в консерваторию Императорского русского музыкального общества, которое не было регламентировано с помощью процентных норм. Следовательно, по мнению законодателя, в процессе получения музыкального образования евреи не представляли «опасности» для христиан. При этом в тексте акта указывается на то, что «стандартные» нормы устанавливаются лишь для тех учебных заведений, где нормы приема евреев не были регламентированы в уставе или положении. Следует заметить, что на практике нормы, отличные от предложенных (установленных) правительством, не применялись, так как это могло быть чревато изменением соотношения числа учеников (студентов) в сторону увеличения количества евреев, чего правительство допустить не могло.

Для поступления в высшее учебное заведение евреев в большинстве случаев требовалось получение золотой медали в гимназии. Медалистов оказывалось слишком много и, как следствие, не все они могли поступить в вузы²². Подобная ситуация складывалась и вследствие того обстоятельства, что в средние учебные заведения (включая гимназии) принимали лишь строго определенный процент евреев от общего количества предполагаемых учеников. Однако «нееврей» зачастую недоучивались до конца, притом что практически все евреи, поступившие в средние учебные заведения (включая гимназии), заканчивали их²³. Следовательно, общее число абитуриентов-неевреев уменьшалось при поступлении в высшие учебные заведения, что влекло за собой уменьшение и количества евреев, допускаемых к получению высшего образования²⁴.

Необходимо также отметить, что при приеме евреев в случаях, когда на одно место претендовало

¹⁵ Сборник законов о евреях с разъяснениями по определениям Правительствующаго Сената и циркулярам министерств: издание неофициальное / сост. Гессен И.В. и Фридрихштейн В. СПб., 1904. С. 232–233.

¹⁶ Руководство к русским законам о евреях / сост. Мыш М.И. СПб., 1914. С. 422.

¹⁷ Витте С.Ю. Воспоминания. Ленинград, 1924. Т. 1. С. 173.

¹⁸ Мемория Совета министров 20 января 1906 г. «По вопросу о приеме евреев в высшие учебные заведения» // Совет министров Российской империи 1905–1906 гг. Ленинград, 1990. С. 196–197.

¹⁹ ПСЗ-3. Т. 28. № 31008. С. 720.

²⁰ ПСЗ-3. Т. 29. № 32501. С. 723.

²¹ Витте С.Ю. Указ. соч. С. 427.

²² Там же. С. 92.

²³ Там же. С. 90.

²⁴ Гессен Ю.И. О жизни евреев в России. Записка в Государственную Думу. СПб., 1906. С. 110–111.

несколько абитуриентов, администрация университетов отдавала предпочтение тому или иному претенденту, используя различные критерии отбора, которыми могли служить: оценка аттестатов, время окончания учебного заведения, округ получения среднего образования, одобрительные отзывы и так далее. Подобное положение способствовало тому, что к высшему образованию допускались «лучшие из лучших», которые либо были действительно способны в учебе, либо преуспели в личном общении с лицами, имеющими возможность написать одобрительный отзыв или отвечающими за прием абитуриентов.

Именно поэтому Министерство народного просвещения признало различия в способах допуска лиц к высшему образованию недопустимыми ввиду того, что они ставят претендентов в разные условия, предоставляя преференции одним в ущерб другим. Для того чтобы все абитуриенты иудейского вероисповедания находились в равных условиях, был издан циркуляр Министерства народного просвещения от 7 февраля 1914 г. № 6204, введивший следующий порядок: «...в случаях, когда число прошений от названных лиц о приеме их в университеты будет превышать число имеющихся для них вакансий, зачислять их в студенты университета... по жребию между всеми, подавшими прошения и имеющими... право на зачисление в студенты»²⁵.

Кроме введения жребия были созданы дополнительные препятствия для поступления иудеев в престижные университеты. Для «вынуждения жребия» в тот или иной вуз должны были допускаться лишь абитуриенты отдельных обозначенных округов. К примеру, в Юрьевском, Московском и Санкт-Петербургском университетах должны были «разыгрываться» места между претендентами соответствующих учебных округов и Виленского округа²⁶.

Также следует указать на то, что существовал ряд учебных заведений, прием евреев в которые был закрыт полностью²⁷. Выделим несколько «закрытых» заведений из данного списка, к которым, в частности, относились: Московский сельскохозяйственный институт, Московский институт инженеров путей сообщения, Военно-медицинская академия. Не вполне понятно, какими соображениями руководствовалось правительство, полностью запрещая евреям доступ в институты инженеров путей сообщения или сельскохозяйственный институт, которые не являлись столь престижными, как, к примеру, юридические факультеты университетов различного уровня, либо же медицинские факультеты.

В период Первой мировой войны противоборство в правительстве по вопросу ограничений для евреев в сфере высшего образования существенно обострилось. В 1913–1915 гг. сторонники процентного регулирования приема евреев в вузы, основываясь на традиционном жупеле «еврейского засилья», стремились, там, где было возможно, прекратить прием

евреев в высшие учебные заведения. Так, был совершенно закрыт доступ в Томский технологический институт²⁸. Самодержавие вплоть до своего крушения стремилось по возможности остаться на позициях нормирования количества евреев-студентов, несмотря на то, что подобная политика входила в явное противоречие с социальными реалиями, сложившимися в ходе войны. Как справедливо замечает А.С. Туманова, «фактическая ликвидация в условиях войны черты оседлости и переселение десятков тысяч евреев в центральные и восточные районы Российской империи способствовали все большему вовлечению евреев в социальные и политические процессы, происходившие в российском обществе»²⁹.

Неудивительно поэтому, что антисемитско-охранительному курсу в правительстве противодействовала либеральная позиция, которую олицетворял министр народного просвещения П.Н. Игнатьев, сменивший на этом посту реакционно настроенного Л.А. Кассо. Как показывает в своей работе А.Е. Иванов, усилиями Игнатьева порядок процентирования еврейского студенческого представительства был значительно скорректирован. 24 июля 1915 г. Совет министров принял предложение Игнатьева о приеме евреев в высшие учебные заведения сверх процентной нормы в тех случаях, если они участвовали в боевых действиях против неприятеля, были ранены или освобождены от несения военной службы по состоянию здоровья, являлись детьми призванных в армию и служащих по военно-врачебной части и получивших при этом отличие, а также убитых и раненых. Данная льгота еще более расширилась с введением в действие высочайше утвержденного правительственного постановления от 10 августа 1915 г., предоставившего право приема во все высшие учебные заведения сверх установленных вакансий детям лиц, служивших в армии, а также уволенных из армии по ранению или болезни «без различия национальностей и вероисповедания»³⁰.

Важным фактором, влиявшим на позиции правительственных кругов в «еврейском вопросе», стала и патриотическая по своему характеру и направленности деятельность большинства еврейских общественных организаций. Так, в обращении крупнейшей еврейской общественной организации, образованной в начале войны в Петрограде, — Еврейского комитета помощи жертвам войны — содержался призыв к еврейскому населению России «защитить честь и неприкосновенность» своей Родины — России. «Еще не зажили раны недавнего прошлого; еще и теперь мы живем в тисках многочисленных правоограничений... — говорилось в обращении, — но, сливая свою участь с судьбой России-родины, все русское еврейство, как один человек жаждет уничтожения общими силами злой гидры милитаризма, грозившей всему миру и торжеству идей человечности и справедливости...»³¹.

²⁵ Руководство к русским законам о евреях... С. 427.

²⁶ Там же. С. 428.

²⁷ Законы о евреях. Систематический обзор действующих законоположений о евреях с разъяснениями Правительствующего Сената / сост. Гимпельсон Я.И. СПб., 1914. С. 542.

²⁸ Иванов А.Е. Российское еврейское студенчество в период Первой мировой войны / Мировой кризис 1914–1920 годов и судьба восточноевропейского еврейства. М.: РОССПЭН, 2005. С. 151.

²⁹ Туманова А.С. Еврейские общественные организации в годы Первой мировой войны (на примере Тамбовской губернии) / Мировой кризис 1914–1920 годов и судьба восточноевропейского еврейства. М.: РОССПЭН, 2005. С. 139.

³⁰ Иванов А.Е. Указ. соч. С. 151–152.

³¹ Цит. по: Туманова А.С. Указ. соч. С. 124.

За патриотической риторикой этих речей скрывалось и традиционное для еврейского народа ожидание, что в случае доведения войны до победоносного конца евреи обретут наконец желанное равноправие в гражданских и социально-политических правах. Ожидание, что война, начатая Россией в блоке с демократическими странами, станет началом эры реформ, было характерно не только для еврейской, но и вообще для всей либеральной общественности³².

Постановление правительства от 10 августа 1915 г. привело к существенному росту численности студентов-евреев. В 1916 г. их доля достигала в Московском университете — около 12%, в Саратовском — 13,5%, в Новороссийском — 24,4%, в Харьковском технологическом институте — 23,6%, в Рижском политехникуме — 33%. В целом же в 1916 г. «лица иудейского исповедания» составляли примерно 8% студенчества в государственных вузах. Однако самодержавная власть пыталась компенсировать ослабление антиеврейских позиций в государственном секторе образования путем введения 3-процентного ограничения приема евреев в сфере негосударственных вузов, которые ранее были свободны от национально-конфессиональной ограниченности. Так, ограничения были введены в содержащихся купеческими обществами Московском, Петербургском, Киевском и Харьковском коммерческих институтах. А 8 марта 1916 г. Совет министров, вопреки действующему законодательству, распространил на негосударственные высшие учебные заведения положения закона от 16 сентября 1908 г. о процентных ограничениях приема евреев в государственную высшую школу³³.

Ограничения доступа к высшему образованию для евреев были отменены Временным правительством 4 марта 1917 г. по предложению министра просвещения А.А. Мануйлова³⁴. Кроме того, необходимо

указать на то, что постановлением «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений» от 22 марта 1917 г. Временное правительство отменило все ограничения в правах российских граждан, обусловленные их принадлежностью тому или иному вероисповеданию или национальности. В том числе п. 7 данного акта были отменены ограничения при поступлении в любые учебные заведения³⁵.

Подводя итог, следует отметить, что ограничения евреев в доступе к высшему образованию были введены еще в 1835 г. и с течением времени данные ограничения становились жестче. В 1887 г. были введены строгие меры, ограничивавшие возможность евреев продолжать свое обучение в высших учебных заведениях после окончания средних. Манифест 1905 г. провозглашал широкий спектр прав и свобод для подданных, но могли ли подданные полностью использовать дарованные свободы без получения высшего образования и доступа к ряду профессий? В полной мере не могли. Именно поэтому необходимо сказать, что правовой статус евреев не претерпел серьезных последовательных положительных изменений после принятия Манифеста 1905 г., несмотря на проведение ряда либеральных реформ, улучшавших положение иных социальных или же этнических групп.

Образовательная политика в отношении евреев вплоть до 1917 г. оставалась, таким образом, неизменной в силу следующих факторов: нежелания самодержца поддерживать реформирование законодательства как о евреях в целом, так и об их доступе к образованию; наличия антисемитского лобби в правительстве, препятствующего пересмотру законодательства о евреях; проведения политики ограниченных изменений процентных норм допуска евреев в вузы, которая не способствовала принципиальному изменению ситуации, как в положительную, так и в отрицательную сторону.

Литература

1. Витте С.Ю. Воспоминания. Ленинград, 1924. Т. 1.
2. Георгиевский А.И. Краткий исторический очерк правительственных мер и предначертаний против студенческих беспорядков. СПб., 1890.
3. Гессен Ю.И. Евреи в России: очерки общественной, правовой и экономической жизни русских евреев. СПб., 1906.
4. Гессен Ю.И. О жизни евреев в России. Записка в Государственную Думу. СПб., 1906.
5. Журналы заседаний Временного правительства: Март — октябрь 1917 г.: в 4 т. Т. 1. Март — апрель 1917 года / отв. ред. тома Додонов Б.Ф., сост. Е.Д. Гринько и О.В. Лавинская. М., 2001.
6. Законы о евреях. Систематический обзор действующих законоположений о евреях с разъяснениями Правительствующего Сената / сост. Я.И. Гимпельсон. СПб., 1914.
7. Иванов А.Е. Российское еврейское студенчество в период Первой мировой войны / Мировой кризис 1914—1920 годов и судьба восточноевропейского еврейства. М.: РОССПЭН, 2005.
8. Натанс Б. За чертой: евреи встречаются с позднимперской Россией / пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2007.
9. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1 (далее — ПСЗ-1). Т. 28. № 21547.
10. Руководство к русским законам о евреях / сост. М.И. Мыш. СПб., 1914.
11. Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII — начале XX в. / отв. редактор А.С. Туманова. М.: РОССПЭН, 2011.
12. Сафонов А.А. Свобода совести и модернизация вероисповедного законодательства Российской империи в начале XX в. Тамбов: Изд-во Першина Р.В., 2007. Гл. I.
13. Сборник законов о евреях с разъяснениями по определениям Правительствующего Сената и циркулярам министерств: издание неофициальное / сост. Гессен И.В. и Фридрихштейн В. СПб., 1904.
14. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1894. Т. 10. № 198.
15. Слиозберг Г.Б. Дела минувших дней. Записки русского еврея. Париж, 1933. Т. 2.
16. Туманова А.С. Еврейские общественные организации в годы Первой мировой войны (на примере Тамбовской губернии) / Мировой кризис 1914—1920 годов и судьба восточноевропейского еврейства. М.: РОССПЭН, 2005.

³² Там же. С. 124—125.

³³ Иванов А.Е. Указ. соч. С. 153—154.

³⁴ Журналы заседаний Временного правительства: Март — октябрь 1917 года: в 4 т. Т. 1. Март — апрель 1917 года / отв. ред. тома Додонов Б.Ф., сост. Е.Д. Гринько и О.В. Лавинская. М., 2001. С. 30.

³⁵ Постановление Временного правительства «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений» 22 марта 1917 года. URL: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5413/>